

Они вернулись в бункер один за другим. Чжэн Кэ, заметив, что Овчарка их не донимает, почувал неладное.

— Что-то случилось? Нам больше не надо работать?

Се Цюци вкратце изложил суть:

— Теперь доставка в основном на мне, но тебя оставят здесь как заложника — чтобы я не сбежал. Если смогу уговорить Олу Мваку вернуться к Командиру, мы выберемся из этой дыры. Шанс редкий, нужно использовать.

Чжэн Кэ слушал, и у него холодело внутри: покушение, переговоры... Он перестал есть яйцо и сунул свёрток обратно Се Цюци:

— Сам доешь.

Се Цюци фыркнул:

— Я уже поел. Не брезгуй, господин наследник, сейчас и такое — деликатес.

Чжэн Кэ покраснел:

— Я не это имел в виду.

Се Цюци не стал разбираться. Он не спал сутки и сейчас лишь мечтал рухнуть на койку и отключиться.

В полудрёме он услышал вопрос:

— Почему ты так ко мне?

Се Цюци нахмурился:

— Что?

— Ты мог сбежать один, — сказал Чжэн Кэ, глядя на него. — Вчера мог сесть в машину и уехать. Не тащить меня за собой.

Если разобраться, между ними были лишь деловые отношения: семья Чжэн платила, Се Цюци работал. Но теперь семья Чжэн обанкротилась, и тащить на себе этот груз — юного господина — не имело никакого смысла.

Чжэн Кэ не мог понять. Неужели бывают люди, готовые рисковать жизнью и упускать шанс на спасение ради другого? Он сам не был уверен, как поступил бы на месте Се Цюци. Такой шанс выпадает раз в жизни, а Се Цюци, казалось, даже не задумался о побеге в одиночку.

— Я больше не наследник, — с трудом выдавил Чжэн Кэ. — У меня ничего нет. Возможно, я не протяну и трёх месяцев, подхватив какую-нибудь заразу. Даже если... даже если выберусь отсюда, шансы отобрать у Чжэн Шихуа то, что принадлежало отцу, ничтожны. Твоя доброта ко мне бессмысленна. Никакой выгоды тебе не принесёт. Понимаешь?

Се Цюци, разбуженный этим монологом, еле сдерживал раздражение.

Чжэн Кэ продолжал, погружённый в свои мысли:

— Ты не такой, как я. Ты сильнее. Ты выживешь где угодно. Выберешься отсюда — сможешь начать новую жизнь. Сменить работу, имя. Никто не узнает, кто ты и кем был. А я...

— Чжэн Кэ, — перебил его Се Цюци. — Я хочу спать.

Чжэн Кэ вздрогнул и покраснел ещё сильнее:

— Прости. Спи. Я... не буду мешать...

Смущённо он поправил на Се Цюци одеяло, всё ещё чувствуя вину.

Се Цюци лежал к нему спиной, не открывая глаз:

— Не забивай голову. Мы оба отсюда выберемся.

У Чжэн Кэ защемило в носу. Дождавшись, пока дыхание Се Цюци станет ровным, он осторожно поднялся с койки, взял его одежду и вышел.

Пирожные он не стал есть, а обменял у разносчицы еды на ведро воды. На её столике он заметил швейный набор и, дрожа от страха, подобрался поближе. Пока женщина отворачивалась, сунул набор за пояс, взял ведро и с самым невинным видом зашагал прочь.

Впервые в жизни он что-то украл. Ощущение было странным — и пугающим, и волнующим. Сердце колотилось так, будто хотело выпрыгнуть. Вернувшись в бункер, он смотрел на швейный набор, словно это было бесценное сокровище.

Проснувшись, Се Цюци увидел молодого господина, сидящего в углу и старательно латающего его рубаху. Он моргнул, решив, что это сон.

Выпускник престижного университета, конечно, теоретически знал, как обращаться с иглой. Но практики не хватало. На то, чтобы вдеть нитку, ушло минут пятнадцать, а швы легли криво, то стягивая ткань, то болтаясь, превращая одежду в подобие мешка.

Но выражение лица Чжэн Кэ при тусклом свете масляной лампы было настолько сосредоточенным и серьёзным, что даже не думал о неловкости. Две недели в Африке смыли с него лоск «маленького господина», обнажив загорелую кожу. Он похудел, но тяжёлая работа наметила на его теле естественный мышечный рельеф. Се Цюци вдруг заметил, что у парня на редкость правильные, даже красивые черты лица, а во взгляде появилась твёрдость.

Получить в услужение отпрыска макаоской ювелирной империи, который чинит тебе одежду, — это, наверное, удача, выпадающая раз в жизни.

— Где иголку-то раздобыл? — лениво спросил Се Цюци, подпирая голову рукой.

Чжэн Кэ, который никогда с такой гордостью не рассказывал об отличных оценках, торжествующе объявил:

— Украл!

Ого, пошёл в гору. Се Цюци усмехнулся:

— Украл — и так радуешься?

Чжэн Кэ смущённо потупился:

— Хотел починить... Получилось не очень...

Се Цюци поманил пальцем:

— Дай посмотреть.

Молодой господин робко протянул одежду. Се Цюци остался доволен. После вчерашней схватки с двумя солдатами рубаха изрядно пострадала — левый рукав висел на нитках. Комплект одежды у него был один, и если бы она окончательно развалилась, пришлось бы работать голышом. А он не горел желанием испытать прелести жизни в набедренной повязке.

— Ничего, — похвалил он. — Набор пригодится, береги.

Чжэн Кэ указал на ведро:

— Воды принёс. Можешь помыться, раны промыть... Чтобы не загноилось...

В Африке вода была на вес золота. С тех пор как они сюда попали, о полноценном мытье не было и речи.

Се Цюци понимал, что раздобыть целое ведро воды — подвиг. Что-то дрогнуло внутри. Он скинул одежду, взял тряпицу и принялся обтираться.

Чжэн Кэ, всё ещё держа в руках штанину, вдруг увидел его обнажённым и затаил дыхание.

Се Цюци был худым до костей, кожа грубой — типичный рыбак, не знавший лёгкой жизни. В его возрасте такая худоба уже не выглядела здоровой, скорее — измождённой.

Чжэн Кэ почувствовал странный ком в горле. Если бы этот человек мог хоть на миг испытать настоящую радость, он, Чжэн Кэ, отдал бы всё, чтобы это устроить.

Не в силах смотреть, он опустил голову и продолжил своё дело. Закончив, отряхнул одежду от пыли и протянул Се Цюци.

Тот, не подозревая о мыслях молодого господина, спросил:

— Что знаешь о фамилии Мваку?

Чжэн Кэ задумался:

— Кажется, очень знатный род. В Анголе даже были императоры с такой фамилией.

— Если Ола не хочет возвращаться, возможно, дело в семье. Аристократы смотрят на простолюдинов свысока. А этот тип, скототивший состояние на войне, — просто жулик. Её семья наверняка против.

— Если бы он был просто жуликом, Ола бы его не полюбила. Значит, в нём что-то есть.

— А может, она просто ослепла.

Чжэн Кэ рассмеялся. Почему-то, когда Се Цюци заговаривал о любви, в его голосе всегда звучала язвительная насмешка.

— Тебе не кажется, что их история печальна? — с сочувствием спросил молодой господин. —

Она могла влюбиться сгоряча. Но если спустя столько лет чувства не угасли, значит, это не просто порыв. Должно быть что-то ещё.

Се Цюци приподнял бровь:

— А что в этом мужчине достойно любви? Торговля рабами, нелегальная добыча, разграбление страны, разжигание войны, убийства... Мало? Или если творить зло, но хорошо относиться к одной-единственной женщине, этого достаточно? Любовь — чушь собачья!

— Я не это имел в виду, не злись, — тихо сказал Чжэн Кэ.

Се Цюци, кажется, осознал, что вышел из себя:

— Мне всё равно, любят они или нет. Лишь бы выбраться отсюда.

Чжэн Кэ почувствовал, что задел что-то болезненное. Через некоторое время он осторожно спросил:

— Се Цюци, а ты... любил кого-нибудь?

Се Цюци закрыл глаза:

— Был один человек.

— Он... был недостоин?

— Да.

— Что он сделал?

Се Цюци не ответил. Чжэн Кэ решил, что тот не хочет говорить, и не стал настаивать.

Долгое молчание стало тягостным. Чжэн Кэ уже собрался извиниться, но вдруг услышал:

<http://bllate.org/book/15957/1426808>